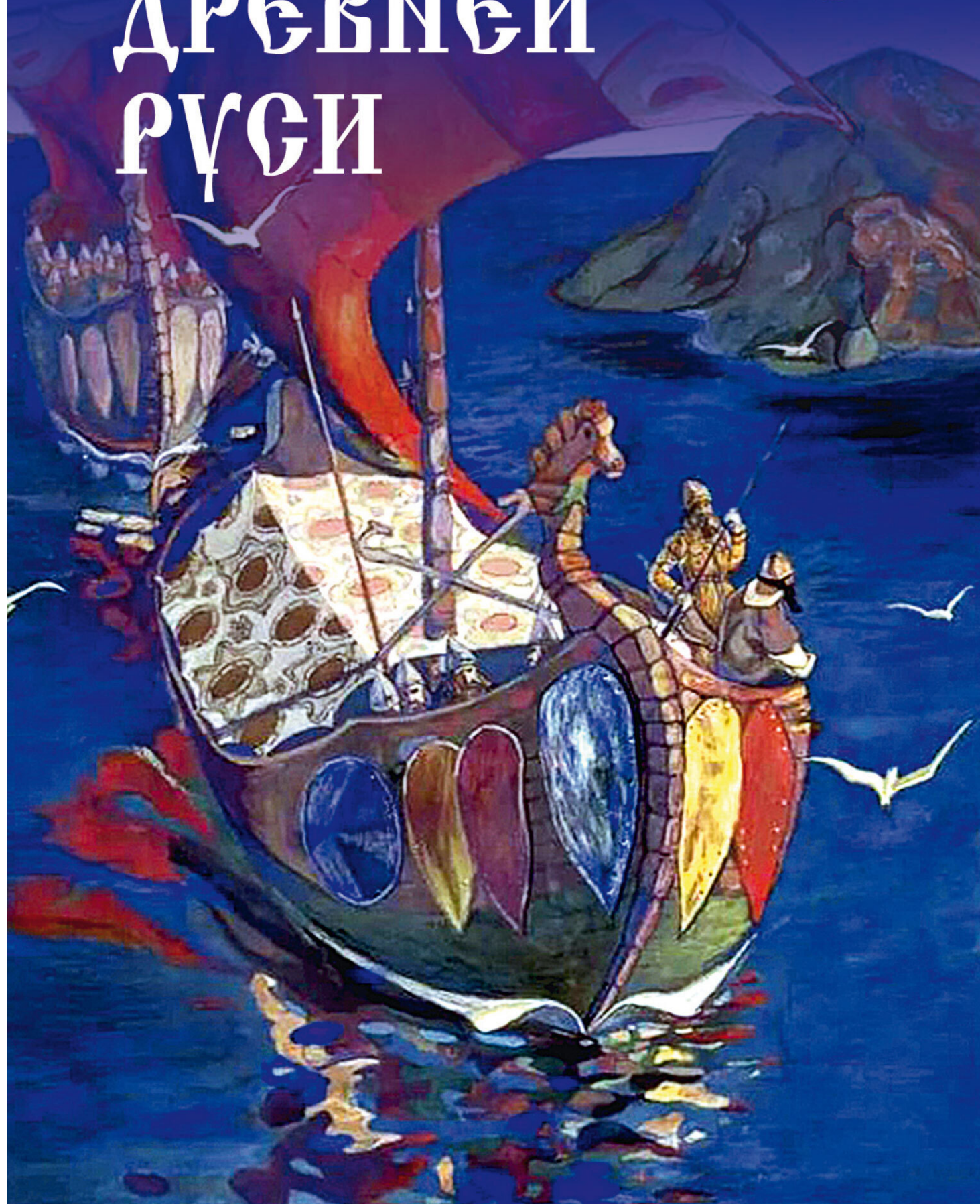

КАРТИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Неведомая Русь

Станислав Ермаков
Картины Древней Руси

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(7)
ББК 63.3(2)

Ермаков С. Э.

Картины Древней Руси / С. Э. Ермаков — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-5867-5

В начале XX в. вышла серия брошюр, ставших новым словом в историческом просвещении и образовании. Это были очерки Н.Г. Тарасова и А.Ф. Гартвига под общим названием «Из истории русской культуры». Каждый из них представлял собой исторический рассказ, основанный на специально написанной известными художниками картине, что было неожиданно. Настоящее издание не только дает возможность познакомиться с ними в современной орфографии, но и включает основанные на научных данных последних десятилетий комментарии, дополняющие и уточняющие оригинальные тексты. Таким образом, перед вами необычная книга. Она обращена к читателям самых разных возрастов, которым интересно не только прошлое нашей страны, но и развитие исторической науки на протяжении свыше ста лет.

УДК 94(7)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4484-5867-5

© Ермаков С. Э., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

К изданию 2026 года	6
От составителя	8
Предисловие	11
Славянский поселок VII–VIII веков	13
Полюдь (XII–XIII века)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С. Ермаков

Картины Древней Руси

© Ермаков С.Э., составление, примечания, комментарии, 2026

© Сеничев В.Е., предисловие, 2026

© ООО «Издательство „Вече“», 2026

К изданию 2026 года

В начале XX в. вышла серия брошюр, ставших новым словом в историческом просвещении и образовании. Это были очерки Н.Г. Тарасова и А.Ф. Гартвига под общим названием «Из истории русской культуры». Неожиданно было то, что каждый из этих очерков представлял собой исторический рассказ, но взятый не с потолка, а основанный на специально написанной известными художниками картине. Данное издание не только дает возможность познакомиться с этими текстами в современной орфографии, но и содержит популярные комментарии, основанные на научных данных последних десятилетий, которые дополняют и уточняют оригинал.

Таким образом, перед вами необычная книга, которая обращена к читателям самых разных возрастов, которым интересно не только прошлое нашей страны, но и развитие исторической науки на протяжении свыше ста лет.

За простым, даже скромным названием этого труда скрывается огромная и амбициозная работа по художественной и литературной реконструкции нашего прошлого. Труд Н.Г. Тарасова и А.Ф. Гартвига создан с огромной любовью к истории Древней Руси и сочетает легкость художественного слога и научную точность. Именно так должен создаваться настоящий учебник – открывая прошлое, не давая читателю увязнуть в однообразной фактологии и перечислении событий. Построенные вокруг иллюстрации и восстановления образов прошлого, очерки цикла «Из истории русской культуры» следуют за великими популяризаторами исторической науки, такими, как Огюстен Тьерри и Андерс Стрингольм, писавшими историю народов легким и искренним слогом.

Амбициозной и очень важной на тот момент (да и сегодня) была задача, которую поставили перед собой авторы-педагоги: они стремились создать учебное пособие по истории русского Средневековья, в котором отразились бы не только яркие события и личности правителей, но сами закономерности истории, жизнь народа в целом и то, как она менялась и развивалась от века к веку. Это позволило бы преподавать историю в общеобразовательных школах с оглядкой на самые современные тенденции науки. Более того, вынести историю за стены школ и представить ее широчайшему кругу читателей, всем слоям населения тогдашней Российской империи. Ибо далеко не всегда человеку, освоившему азы грамоты, были доступны серьезные исторические труды, нацеленные на углубленное понимание родной истории, которое обычно складывалось при завершении общего образования.

Эти принципы, это стремление сделать историю понятной и доступной, но при этом не превратить ее в набор анекдотов, не теряют актуальности и по сей день. Перед любым автором исторической литературы, обращенной к широкому кругу читателей, во весь рост встают задачи показать историю как процесс, а не как набор разрозненных фактов, не дать читателю заблудиться в хитросплетениях имен, дат и событий, провести его по извилистым тропам источников и мнений, нарисовать актуальную, честную картину прошлого. На наш взгляд, Тарасов и Гартвиг справились с этой задачей блестяще и показали пример многим поколениям историков, педагогов и популяризаторов науки, следовавших за ними.

Привлечение к работе и даже выдвижение на первый план художественного образа – верная и точная находка авторов, известных как выдающиеся методисты. Картины великих мастеров русской живописи – Максимова, А. Васнецова, Лебедева, Билибина, Кустодиева – до сих пор не теряют актуальности как иллюстрации прошлого для широкой аудитории. Они отражают, насколько то позволяли знания и представления начала XX века, аспекты материальной культуры наших предков, их одежду, украшения, дома, утварь, военное и охотничье снаряжение. Не менее важны и отсылки к данным исторических источников – летописей, писем и иных документов, дошедших до нас из глубины веков. Умелое сочетание этих элементов позволяет, с одной стороны, не дать читателю заскучать от перечисления дат и событий, а с

другой – познакомить не только с фактической стороной истории, но и с тем, как эти факты добываются учеными.

Сегодня пособие Тарасова и Гартвига не просто не теряет актуальности. Оно обретает ее вновь – в первую очередь как прекрасное приложение к учебнику отечественной истории для средней школы. Параграфы современного учебника могут быть дополнены и проиллюстрированы представленными здесь очерками (и комментариями к ним), и там, где ученик мог бы запутаться или заскучать в хитросплетениях отечественного Средневековья, Н.Г. Тарасов и А.Ф. Гартвиг могут быть крайне полезны. Более того, любой взрослый читатель найдет в этой книге легкое и приятное повествование о прошлом нашей страны и сможет уже зрелым умом и взглядом оценить величие классиков русской живописи и то, как они понимали и отражали на своих холстах события прошлого. Наконец, объединив эти два компонента, учебный и развлекательный, новое издание очерков Тарасова и Гартвига станет украшением любой семейной библиотеки и приглашением к разговору о родной истории со своими детьми. От расселения славян по Среднерусской равнине до времен первых Романовых – русское Средневековье откроется перед читателем в красках, стоит ему только открыть этот уникальный труд.

В.Е. Сеничев, историк, ведущий специалист департамента образовательных программ РВАО, член Союза журналистов России

От составителя

*История – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого,
пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего.*
М. Сааведра

Давно известно, что начало XX в. характеризуется подъемом национального самосознания и ростом интереса к русской истории. Одновременно происходят значительные перемены в системе образования, которое по необходимости становится куда более доступным для людей разных сословий.

А интерес к обучению был огромен во всех слоях общества. И вот «на стыке» этих двух процессов на протяжении нескольких лет, в 1908–1913 гг., выходит серия брошюр за авторством Н.Г. Тарасова и А.Ф. Гартвига под общим названием «Из истории русской культуры». В серии были опубликованы очерки на разные темы русской истории и культуры с древнейших времен и до XVII в., предназначенные для школьников и для всех, занимавшихся самообразованием.

Но, пожалуй, самым любопытным, неожиданным и новаторским с разных точек зрения в ней было то, что каждый текст представлял собою не что иное, как исторический рассказ, основанный на специально написанной известными художниками картине. Авторами картин стали именитые мастера кисти: А.Ф. Максимов, А.М. Васнецов, К.В. Лебедев, И.Я. Билибин, Б.М. Кустодиев. Созданные ими в рамках проекта работы до сих пор по большей части хорошо известны, они многожды использованы в иллюстрациях к соответствующим научным и научно-популярным книгам, но вот их первоначальное назначение как учебных пособий, связанных с конкретными очерками (так, что текст и изображение надо бы воспринимать как неразрывное целое), почти забыто.

Итак, кому же принадлежит заслуга создания столь необычного дополнительного материала для изучающих прошлое нашей страны? Авторы проекта, написавшие сопроводительные очерки, навсегда вписали свои имена в историю отечественной педагогики и сыграли значительную роль в том «методическом подъеме», который наблюдался в начале прошлого века и до сих пор вызывает уважение, а появившиеся тогда приемы и труды до сих пор востребованы в системе образования. Наука обучения действительно переживала бурное развитие, многое остается актуальным и сейчас. Неслучайно переиздаются, например, учебники, написанные Н.И. Кареевым. Опыт Н.П. Покотило, Н.А. Рожкова, М.Н. Коваленского, Я.С. Кулжинского обсуждается педагогами-практиками.

Лучший опыт и наработки тогдашних учителей, методистов и ученых сегодня получают продолжение и развитие. Это побуждает не только обратиться к научным теоретическим трудам того времени, а обратить внимание на то, что они сделали в части практического обучения.

Если, однако, брать их пособия «как есть», в виде букинистических изданий и электронных копий, то их будет трудно читать из-за редкости, сохранности и устаревшей орфографии, да и качество печати тогда не всегда было на высоте. Есть и еще обстоятельство, в силу которого использовать их в оригинальной версии уже не стоит. Но вначале несколько слов об авторах.

Николай Григорьевич Тарасов (1866–1942) был российским и советским краеведом и педагогом, специалистом в области методики преподавания истории. В 1940 г. он получил степень доктора педагогических наук, звание профессора и заслуженного деятеля науки РСФСР. Его методические разработки были связаны с привлечением учащихся к самостоятельной работе, в том числе изучению исторических документов, написанию рефератов. Он рато-

вал за наглядный метод обучения, что наглядно видно и в серии очерков по истории русской культуры.

Его соавтор Андрей Федорович Гартвиг (1862 – после 1923) известен как один из самых квалифицированных учителей истории, методистов и общественных деятелей за всю историю России. Он автор нескольких школьных учебников, пособий и множества методических разработок. Свою педагогическую деятельность Гартвиг начал в Москве в 1884 г., получив право преподавания, еще будучи студентом третьего курса. С 1887 г. работал преимущественно в средних учебных заведениях сначала Динабурга (Даугавпилса), затем Москвы. Служил в Московской XI гимназии, Алексеевском коммерческом училище в Москве, Московском реальном училище, директором Рязанской учительской семинарии и др. В апреле 1891 г. Гартвиг становится членом Комитета грамотности. Среди его членов – К.Д. Бальмонт, А.Н. Веселовский, В.О. Лючевский, М.М. Покровский, Д.Н. Прянишников, И.М. Сеченов, А.Г. Столетов, Ф.Ф. Фортунатов, А.П. Чехов. Более чем достойное сообщество единомышленников! О последних годах его жизни, увы, не сохранилось никакой достоверной информации.

* * *

Итак, совместное произведение Н.Г. Тарасова и А.Ф. Гартвига, с одной стороны, наглядное благодаря использованию картин, с другой, доступное по языку изложения людям самого разного возраста и уровня подготовки, опиралось на новейшие достижения и представления тогдашней исторической науки, одновременно обучая не только знанию прошлого, но и тому, как можно и нужно работать с художественными произведениями. В этом его несомненная многогранная польза и для современного читателя и зрителя.

Под одну обложку собраны 14 очерков, каждый из них выходил как отдельным оттиском, так и в комплектах с твердым переплетом. Однако нельзя не принять во внимание, что с момента появления этих брошюр прошло более ста лет. Да, использованные в ней работы художников остались и по-прежнему востребованы, а вот научные представления шагнули далеко вперед, расширяя и углубляя, а иногда и заставляя существенно пересмотреть то представление о прошлом, которое сложилось в начале XX в. на основании тех знаний, которыми обладала тогдашняя наука.

Это связано не только с развитием методологии науки и совершенствованием ее аппарата. Археология, существовавшая в то время в зачаточном состоянии, сейчас совершенно изменилась и сделала гигантский шаг вперед. Сейчас и при раскопках, и при изучении памятников и артефактов, и при работе с источниками используются новейшие достижения техники, которые коренным образом изменили подходы, приемы работы ученых. Соответственно, это не может не повлиять на выводы, к которым приходят историки.

В результате появилась мысль при переиздании, несомненно, полезного и интересного сборника как-то дополнить его, в ряде случаев уточнить и даже скорректировать представленные уважаемыми авторами рассказы, не меняя их, но лишь переведя в современную орфографию. В результате каждый очерк сопровождается отдельным комментарием, который не преследует цели раскритиковать написанное. Комментарии могут как продолжать непосредственно тему очерка, так и давать связанную с ней информацию на основе научных данных последних десятилетий. Лишь в редких случаях добавлены поясняющие примечания по тексту. Многочисленные и часто объемистые авторские примечания по мере возможности освобождены от повторов и введены в основное повествование. Подобно авторам, мы постарались по мере сил не усложнять текст, но сохранить доступность комментариев для читателей разного возраста, давая минимум цитат из научных трудов и не перегружая текст. Возможно, не все добавлено, что следовало бы, но ведь на каждую тему можно написать целую книгу, да и не одну (более того, они уже написаны и пишутся прямо сейчас). Кроме того, добавлены

дополнительные иллюстрации, которых не было в первоначальных изданиях. Они призваны показать читателям то, чего не могли наглядно показать авторы, прибегая лишь к словесным описаниям и упоминаниям.

Хочется верить, что наш подход сделает переиздание востребованным людьми разных возрастов и подготовки, теми, кто интересуется русской историей и развитием исторической науки на протяжении свыше ста лет.

Предисловие

*Для осуществления правильной постановки преподавания истории
недостаточно выработать теорию исторической педагогики, нужно
обновить пособия и приемы.*

Ланглюа и Сеньобос

В последнее полу столетие историческая наука и педагогика сделали крупные успехи: история расширила материал и углубила его изучение, педагогика поставила новые требования к преподаванию. Вследствие этого школьный курс истории должен был существенно измениться. Под давлением науки в содержании исторического курса общеобразовательной школы отдельные личности и их деяния должны были уступить свое первенствующее место общей жизни народа, и предметом исторического изучения в школе явились не отдельные события, сменяющиеся одни другими, как в калейдоскопе, без видимой внутренней связи, а изучение закономерного генетического изменения общих условий жизни. В связи с новыми требованиями педагогики целью преподавания стало не изучение возможно большего количества фактов, случайно набранных, а усвоение немногих данных, наиболее ценных для характеристики общей жизни.

Новые требования, научные и педагогические, несомненно, увеличили трудность преподавания истории: содержание исторического курса значительно усложнилось и сделалось более отвлеченным с введением в него идеи закономерности и изучения процесса экономического, социального и политического. В то же время педагогика выставила безусловное требование не только запоминания, но и разработки, углубления и ясности понимания изучаемого.

Как западные, так и русские педагоги уже поставили на очередь вопрос о том, как такое научное содержание передать изучающим историю в общеобразовательной школе, каковы должны быть наиболее пригодные для этого педагогические приемы. Ряд брошюр, статей, помещенных в педагогических и научных журналах, учебные планы, тезисы педагогических съездов и комиссий специалистов-историков, а также некоторые практические опыты преподающих, показывая серьезность постановки вопросов и вдумчивое отношение в разрешении их, свидетельствуют в то же время и о том, что все вопросы о хозяйственном, общественном и государственном строе трудны только тогда, когда они отвлеченны и когда при изложении их слова и общие понятия не опираются на известный запас конкретного материала, и что это становится доступным, когда конкретный материал дан, и от него уже идет абстракция. Образное слово и наглядное пособие и могут дать много такого конкретного материала, облегчить, углубить работу и сообщить большую производительность мыслительной работе учащихся.

Содействовать переходу преподавания истории в общеобразовательной школе на вышеуказанную почву и снабдить школу соответствующими наглядными пособиями является одной из настоятельных педагогических задач нашего времени.

Посильное разрешение этой задачи и представляет коллекция картин по истории русской культуры, издаваемых фирмой В.В. Думнова в Москве. Выпускаемые по мере изготовления картины имеют целью обрисовать различные культурно-исторические моменты. В отдельных картинах собран исторический и археологический материал с целью – насколько это возможно и удалось – дать содержательную и живую сцену, переносящую в прошлое и знакомящую с особенностями минувшей жизни, чтобы тем способствовать превращению отвлеченного и трудного в конкретное и вполне доступное. Трудная сама по себе задача является особенно трудною, если принять во внимание научное состояние русской истории и археологии. Несмотря на громадную энергию и таланты нескольких поколений исследователей, далеко не все доведено

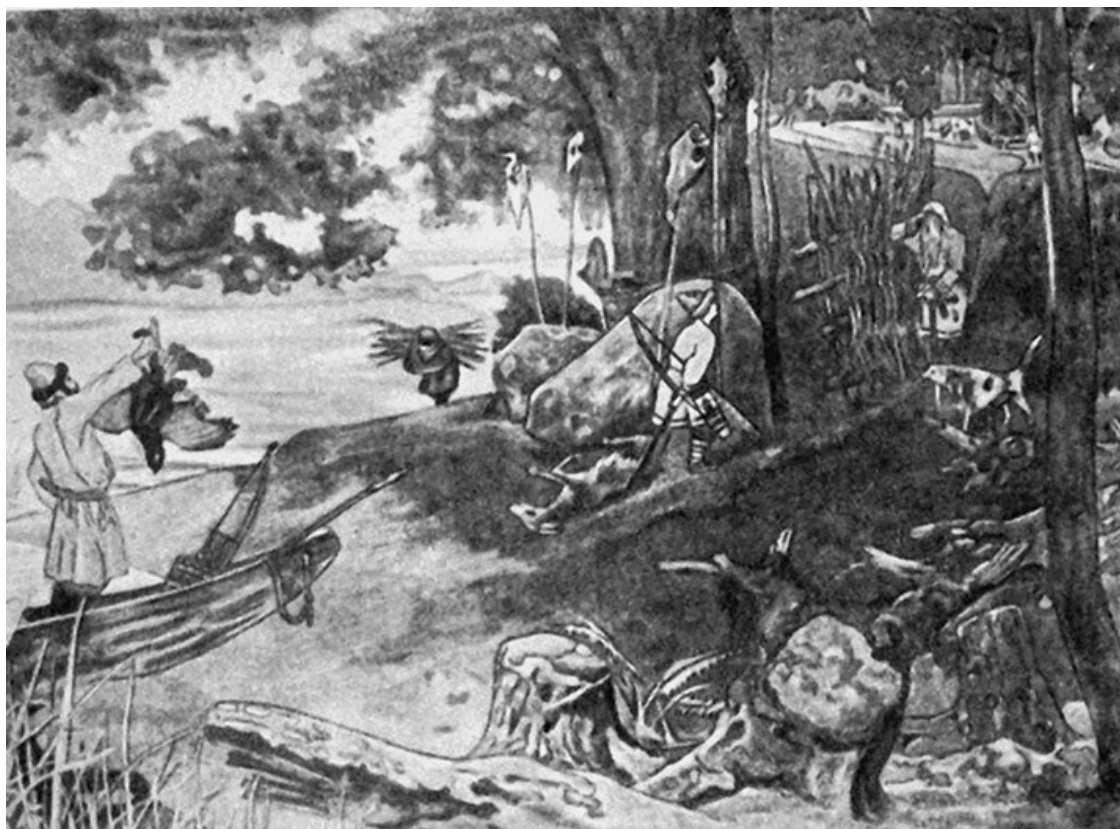
до желательной ясности, многие существенные вопросы только затронуты и ждут еще дальнейшего обследования и решения. Особенно нужно это заметить об истории и археологии быта. Изучение бытового элемента началось очень недавно, отчасти вследствие недостатка подходящего материала, отчасти и потому, что этот отдел истории долго считали стоящим вне пределов научной обработки. В этой области, как замечает проф. А. Котляревский, «часто недостает еще ответа не только на вопросы второстепенной важности, но и на самые существенные, основные, недостает необходимейших предварительных разысканий, а нередко и даже самого подбора материала».

Чтобы основная задача пособия – дать ясный образ и углубить понимание – была достигнута возможно лучше, ввиду новизны дела и сложности того материала, который трактован в картинах, авторы сочли необходимым составить к картинам ряд небольших очерков. Задача этих очерков – дать то, чего не мог изобразить художник и что, с точки зрения составителей, желательно было бы выдвинуть на картине. Зная по опыту, какого труда требует такая разработка материала, как значительно количество разнородных справок, как велики затруднения при отыскании различных изданий, отдельных статей и брошюр, не всегда и везде доступных для пользования, авторы и решаются поделиться тем, что они успели собрать, чтобы прийти на помощь всем, кто не имеет под руками необходимых пособий. Собранный материал подвергнут обработке и испытан на практике классного и внеклассного преподавания.

Предлагаемые очерки в соединении с цинкографическими приложенными к ним картинами, может быть, окажутся полезными и для внеклассного чтения учащихся, а также и для тех, кто работает над своим самообразованием.

Н.Г. Тарасов и А.Ф. Гартвиг

Славянский поселок VII–VIII веков

Славянский поселок. С картины А.Ф. Максимова

В VI веке по Р. Хр. впервые в более или менее ясных очертаниях начинают выступать среди других народов восточные славяне, позднее получившие название русских. История застаёт это многочисленное славянское племя разбившимся на роды, которые занимают большое пространство по северным склонам Карпатских гор, у верховьев Вислы. Эти роды то враждуют друг с другом, то вступают в союз, часто переселяются и часто предпринимают походы. Население растёт, страна не может прокормить всех, и славяне делают иногда мелкие хищнические набеги на богатую Византию, иногда ходят в более продолжительные походы, пробуя даже остаться на землях Восточной империи.

Нашествия славян очень тяжелы для Византии. Ее правители напрягают все силы, чтобы остановить их. С одной стороны, на пути вторжения они протягивают длинные стены, строят десятки крепостей, ставят многочисленные гарнизоны; с другой стороны, они стараются отвлечь славян, отыскав врага, который бы напал на самих славян в их земле. Последнее удается византийским императорам в конце VI века. Полчища аваров вступают в страну прикарпатских славян, грабят, жгут селенья, убивают жителей, над оставшимися в живых издеваются. Население не в силах сопротивляться аварам, оно бежит перед врагом, ища спасения среди лесов и болот.

Всколыхнутое походами на Византию и нашествиями аваров, славянство, не находя достаточного пропитания на прежних уже истощенных местах, снимается и движется на поиски более удобных и богатых мест, в область Верхнего и Среднего Днепра, и начинает оседать на его притоках.

Византийцы используют греческий огонь против славян. Интересно, насколько внешний вид славян соответствует действительности? Миниатюра из «Обозрения историй» Иоанна Скилицы, рукопись XII в

Спускаясь с карпатских предгорий, переселенцы почти повсюду встречали одно и то же: большую реку или речку с широким пойменным лугом, поросшим по местам тростником, пригорок и лес, – бесконечный лес, стоявший непроходимой стеною. Великаны-деревья, спутавшие свои ветви, низкорослый кустарник, сухой валежник и гниющий в лесной глуши бурелом на каждом шагу преграждали путь. Не было свободного прохода и там, где в сырых низинах лесные заросли прерывались то кочкарником, поросшим мхом и чахлыми мелкими деревьями, то обширными и глубокими болотами, иногда открытыми, иногда коварно застланными яркою зеленою пеленою, под которою скрывались страшные засасывающие омуты, несшие неминуемую гибель всякому неосторожно ступившему сюда человеку. Без рек и речек, перерезавших местность в различных направлениях, не было бы доступа в эту лесную глушь. Впрочем, и по речкам далеко не всегда был открытый путь. В иных местах, где размытые весенним разливом берега вместе с деревьями, растущими на них, осыпались и рушились в воду, во всю ширину речки образовывались высокие завалы, засорявшие русло до самого дна. Только пробив такую преграду, переселенцы могли двигаться дальше.

По водным путям и шли славянские переселенцы в VII и VIII веках, передвигаясь отдельными семьями и целыми родами постепенно вперед. С каждым годом все глубже и глубже по рекам и речкам входили они в лесную страну, и все чаще и чаще вековую тишину лесной глуши будил говор людей и стук топоров. Леса, богатые зверем и растительной пищей, воды, обильные рыбою, обеспечивали переселенцам повсюду на пути возможность добывания средств к существованию. Если была нужда в хлебе, то при желании можно было расчистить место и сделать посев. Дождавшись жатвы или перезимовав в наскоро сколоченных хижинах, переселенцы продолжали движение дальше и селились там, где находили удобные незанятые места.

Свободной земли в новой стране было много. Облюбовав пространство, какое нужно, выделяли выгон, лес и другие угодья, которыми пользовались все сообща, и затем каждая семья занимала себе участок, который поступал в ее исключительное пользование. Чтобы обозначить границу своего участка, каждая семья, ставила на деревьях в виде зарубок «знамя» – значки. Не теснясь, селились семьи вразброд и расходились далеко по лесистой равнине. На своем участке и жила семья, пока зверя и рыбы было довольно в окрестности, пока пашни не истощалась и для скота не требовалось новых лугов. Выбрав среди своего участка сухое место, обыкновенно у речки на высоком ее берегу, в укромном лесном уголке, семья переселенца принималась

за устройство жилья. На расчищенной площадке ставила она себе жилище, пользуясь для его устройства тем, что было под рукою. Из сваленных деревьев мужчины клали сруб, женщины из нарубленного хвороста делали плетень и обмазывали его глиною, тем и другим помогали дети-подростки. Бревна или колья, дерн и срезанный у реки тростник шли на покрытие. Деревянные гвозди, хворост и лыко служили для скрепы. Из собранных по соседству камней складывали внутри хижины очаг или печь для приготовления пищи. Скудный свет пропускали небольшие окна, которые задвигались в случае нужды досками. Вход закрывала тяжелая дверь. В окна и двери выходил дым из очага, так как трубы не было. Здесь же, около жилья, были разбросаны хозяйственные постройки для скота и различных запасов. Для хранения хлеба служили вырытые в земле ямы. Все постройки были очень просты и грубы. Жить в них можно было только тем, кто был невзыскателен, терпеливо переносил неудобства и лишения всякого рода. Но такое жилище, столь непривлекательное для нас, удовлетворяло переселенцев, так как оно вполне отвечало потребностям их: в нем можно было переспать ночь, укрыться от непогоды и согреться у пылающего очага. Но, кроме защиты от стихий, хижина служила и для охраны от диких зверей и могущего сделать нападение врага. Поэтому на случай опасности в хижинах делалось много выходов, а жилища обносились насыпью из земли – валом и частоколом. Если враг был сильный и многочисленный и защититься от него в таком городище¹ было нельзя, то одни мужчины спешили вместе с женщинами, детьми и стариками укрыться в глубине леса; другие, спешно зарыв наиболее ценное в землю, бросались к реке, чтобы скрыться там под водою. Держа во рту длинный, пустой внутри тростник, они дышали через него и в течение нескольких часов выжидали ухода врага, оставив поселок на разграбление. Вооружен был славянин слабо. Колчан со стрелами, намазанными ядом, несколько дротиков, секира, палица, нож составляли оружие славянина. Не привыкшие сражаться сомкнутым строем и действовать сообща, славяне с трудом могли противостоять врагу, хорошо обученному и сильному. Не выдерживая правильного боя, они старались или первым натиском сбить врага, или, отступая, заманить его в засаду.

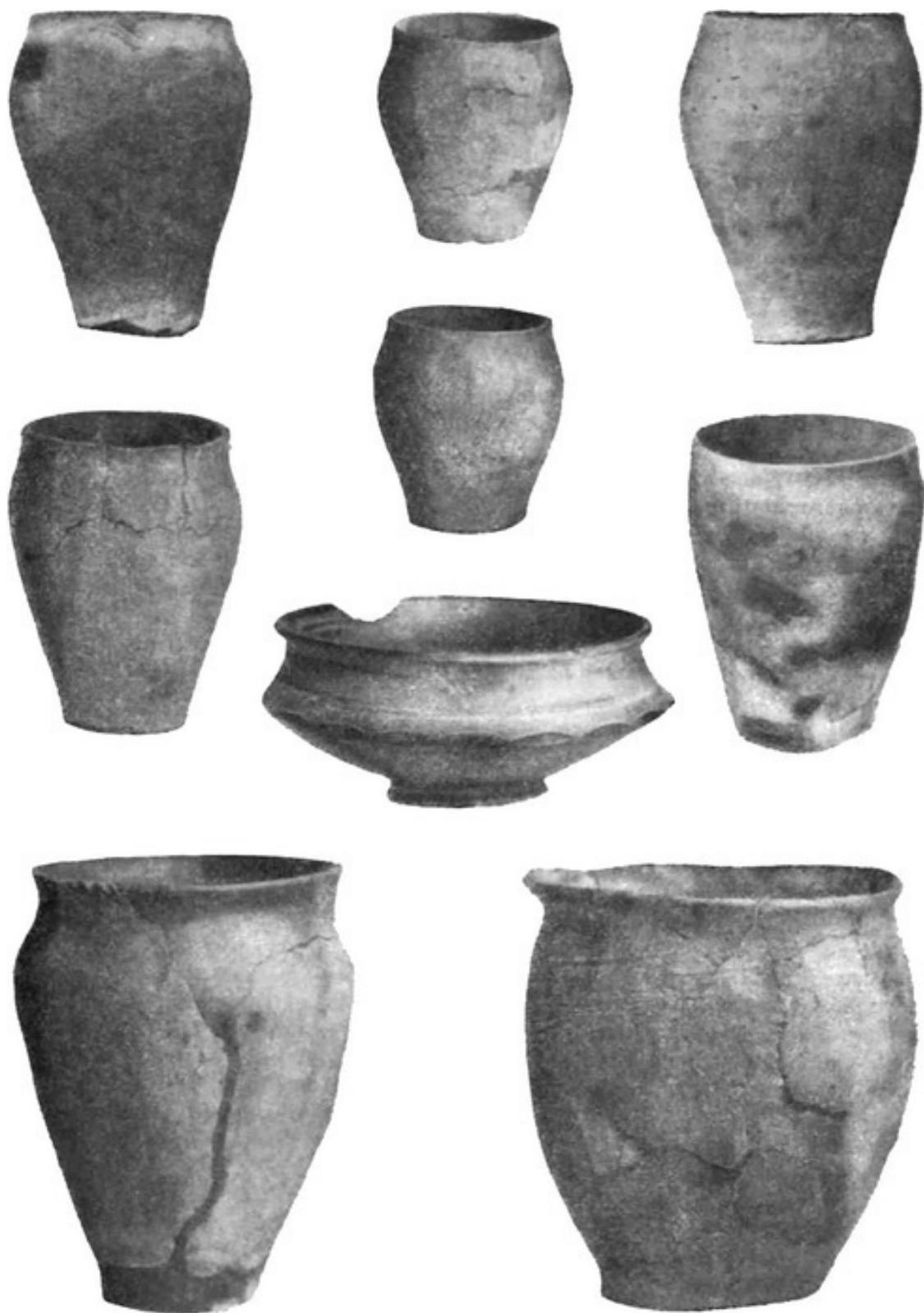
Перед нами один из таких поселков, с высоким валом, с неряшливо сколоченными хижинами, и несколько живущих в них переселенцев. Простая войлочная или меховая шапка прикрывает темно-русые волосы. Несложного покроя широкая рубашка и такие же штаны из грубого холста свободно облегают фигуру и свешиваются большими складками. За ремненным поясом с бронзовою или железною пряжкой – кремень и огниво, а иногда и топор. Ноги обуты или в лапти, или в кожаные полусапожки. На случай холода есть свита из грубого холста или шерсти, а то и звериная шкура. Из того же холста, шерстяной ткани и шкуры сшита одежда детей и женщин. Последние при зажиточности могут иногда прибавить к своему костюму еще ряд украшений из низкопробного серебра. Красноватое загорелое и обветренное лицо и крепкая рослая фигура с развитой мускулатурой ясно говорят о привычке к физическому труду и постоянной жизни среди природы. Чтобы устроить жилище, получить пищу, одежду, нужно затратить немало труда: все нужное для себя семья должна добывать сама, личным трудом своих членов, и члены семьи несут этот труд каждый соответственно своей пригодности и способностям. Каждая семья удовлетворяла своим потребностям собственными силами, не прибегая к помощи принудительного труда рабов. У славян их было мало, и, когда давала их война, они рабов продавали или, продержав несколько времени, отпускали.

В новой неистощенной стране богатства природы не тронуты, и они в изобилии окружают людей. Много рыбы в реке, но ее нужно наловить, а для этого изготовить невод и последить за ним, не порвалась ли сеть, целы ли каменные грузила. Есть скот: мелкие молочные коровы,

¹ Городища по очертанию приближались к кругу или четырехугольнику. Самые маленькие городища были в размере 150–300 шагов в окружности, самые крупные доходили до двух квадратных верст. В маленьких городищах жили или находили временное убежище семьи, в крупных были военные и правительственные центры целых племен. Около них позднее, если были благоприятные условия, возникали промышленные и торговые поселки.

неказистые выносливые лошади, овцы с грубой шерстью и худые свиньи; есть и хорошие пастбища, но нужно посмотреть, как пасется на общем выгоне под охраной скотьего бога Велеса стадо, дающее семье мясо и молоко, кожу и шерсть, не отбился ли кто от него, не поживился ли скотом какой-нибудь зверь. Есть и бортные (от «борть» – дупло – самый древний вид улья) ухояи², где в дуплах старых деревьев пчелы кладут дикий мед – это лучшее лакомство и в то же время лекарство, но нужно поставить на бортях знак – «знамя», чтобы легко было различить свои борти от бортей других соседних семей и собрать по осени мед. Есть лес, но нужно для домашних поделок его нарубить и притащить домой; есть ягоды, грибы и дикие плоды, но их нужно собрать; есть в лесу и звери, которые дают мясо и шкуры, но их нужно убить.

² Ухояи, ухояжи – участки леса, отведенные под место для бортей, ульев, пчельник, пасека. – *Сост.*

Керамика из могильников культуры Прага-Корчак (по Ю.В. Кухаренко)

Охота – не одно развлечение, а и труд, необходимый для добывания средств к поддержанию жизни, и притом труд, соединенный часто с серьезной опасностью. К речке, на выгон или в бортные ухаи, расположенные вблизи от усадьбы, можно пойти одному. Но одному углубиться в лесную глушь на охоту, большею частью, довольно рискованно. Лесная чаща служит

пристанищем не только для мелких зверей вроде белок, куниц, лисиц, зайцев и диких коз, в ней немало водится и страшных для человека зверей – медведей, туров, кабанов. Многие звери обладают громадной силою, гораздо большею, чем человек, и успех борьбы с ними при неважном оружии далеко не всегда может быть на стороне человека. Поэтому на охоту безопаснее отправиться сильным и ловким людям, несколькими вместе или, по крайней мере, вдвоем.

Можно добыть и хлеб, но для этого нужно еще более труда, упорного и постоянного. Мало затратить один раз усилия, расчистив под пашню лес. Пройдет два-три года, и там, где собирали обильный урожай, вырастает тощий хлеб. Приходится тогда бросать эту пашню, истощенную несколькими посевами подряд без удобрения, о котором не знают славяне³, нужно снова расчищать ляду (так называлось расчищенное из-под леса поле).

Но, работая, напрягая свои силы, никогда нельзя быть уверенным в полном успехе дела. С пашни, на которую положено так много труда, не соберешь урожая, если небо не пошлет благодатного дождя, если солнце не будет греть вдоволь или если всходы хватит мороз. На опасной охоте может быть неудача или несчастье: может зверь не попасться или встретится слишком сильный, с которым не справишься, можно заблудиться в лесу и погибнуть. Неудачна может быть и рыбная ловля.

Получая все непосредственно от природы, человек, слабый в борьбе с нею по недостатку знаний, был в полной зависимости от стихий. В явлениях природы, в которых современный человек видит действие физических сил и законов, славянин видел проявление воли сверхъестественных могучих существ – богов.

Высшим богом, царящим в голубом небе над всем, он считал Сварога, но трепетал и более придавал значения он тем богам, которые гораздо ближе и чаще соприкасаются с человеком. Эти боги – сын Сварожич – Дажьбог, ярким солнцем озаряющий мир, бог-громовник – Перун, гремевший и посылающий дождь, Стрибог, проносящийся бурным ветром над землею. Жизнь счастье и несчастье людей – все зависит от милости и гнева этих богов. Милостив к человеку Дажьбог, и растопит он льды и снега, рассеет туманы, прогреет он землю и даст урожай. Прогневался он, и пошлет свои огненные стрелы, палящие лучи солнца и засушит он хлеба и травы, наведет на землю голод и мор. Много, если не больше еще, может сделать добра и зла бог-громовник Перун. Зимой злые силы одолевают Перуна: они сковывают воды, затягивают небо тучами, окутывают землю холодом и туманами. Но с наступлением весны бог-громовник выступает во всей своей силе. При помощи Стрибоговых ветров Перун одолевает врагов, низводит на землю дождевые потоки, выводит из рассеянных туч солнце, возвращает земле тепло и плодородие, убирает поля и леса роскошною зеленью и цветами. Захотят эти боги, и будет обильный урожай и хорошие пастбища, наполнятся ямы хлебом, будет сыт скот и хватит всего на зиму, а нет – ничего не родится, и придется питаться дикими плодами и молоком да часто ходить на опасную охоту за зверем и на рыбную ловлю. Но и в рыбной ловле, и в охоте вольны живущие в реке и в лесу божества, с ними нужно тоже считаться. Хозяин реки – водяной. Тихо сидит он в омутах в жаркую летнюю пору. С заходом же солнца он беспокоен, а иногда и опасен. Не захочет водяной, не станет он загонять рыбы в сети. Лесом владеет леший: в его власти зверь и человек, вступающий в лес. Когда в лесу идет бурелом, раздается треск, слышится шум – это бесится, гоняет зверей остроголовый мохнатый леший, он может завести

³ Добывая средства к жизни, на начальных ступенях культуры не руководятся мыслью о необходимости правильной системы извлечения благ и их восстановления. При обилии лесов они безжалостно истребляются: иногда зажигают лес, чтобы перегнать лесную дичь к себе; иногда закуривают гнилой пень, чтобы за дымом укрыться от мошкеры и не тушат огня, не заливают костра, и огонь, разгораясь, уничтожает громадные пространства леса. Когда много рыбы, птицы и зверя, все, что попадает под руку, без расчета бьется, гораздо более, чем это нужно, и после без пользы бросается. При обработке земли извлекается все, что может дать земля, и этого не восстанавливают. Такие приемы пользования благами природы характеризуют так называемое хищническое хозяйство.

человека в непроходимые трущобы, сбить с дороги, даже насмеяться, он уносит ребят, уводит женщин и утоняет скот.

Ощущая постоянно свою зависимость от всего окружающего, человек проникался чувством страха и обращался к богам с мольбою о помощи и содействии, приносил им жертвы из животных, птиц и плодов. Под старым дуплистым деревом, где особенно ему чувствовалось присутствие таинственных сил, он огораживал место кольями и ставил идола (см. картину). Куда бы он ни шел по более или менее важному делу, что бы ни делал он, всегда начинал с треб, то есть с жертв и молений, падал ниц, бил челом, чтобы умиловить бога, расположить к себе. Когда же ему грозила смерть, когда он заболел или собирался на войну или другое опасное предприятие, он обещал за свою душу принести богу жертву, если останется в живых. И в повседневной домашней жизни он не мог обойтись без помощи бога Рода – Чура, защитника от всего дурного, охранителя достояния и границ, и постоянно в минуты опасности взывал к нему: «Чур, сохрани меня!» (заклинание «чур меня!», пережив века и утратив первоначальную мысль о защите со стороны предка-бога, уцелело в детских играх, как остаток глубокой старины. Мысль об обязанности Чура охранять границы сохранилась в выражении «чересчур». Перейти границу, заповедную черту Чура, значит нарушить границу; отсюда выражение «поступать чересчур», то есть переступить границу дозволенного). Без покровительства домового не могла существовать семья. Переходя на новое жилище, глава семьи переносил с собою горящие угольки с очага и призывал домового также перейти, приглашая: «Милости просим, дедушка домовый, на новое житье!»

Та же полная необеспеченность и тяжелая борьба за существование, которая заставляла человека искать милости и помощи богов, обуславливала и весь житейский обиход, вырабатывала и своеобразный склад семьи, явившийся отражением тех условий, среди которых проходила жизнь славян-переселенцев на новых местах в Приднестровье.

Реконструкция поселения V в. культуры Прага – Корчак на основании раскопок (по А.П. Томашевскому)

Семьи переселенцев, оседаая среди лесов в уединенных поселках, чем дальше, тем больше отбивались от рода, тем больше теряли родовую связь и общность родовых интересов, к которым их приучила совместная жизнь на старой прикарпатской родине. Переселение разбивало родовые группы, и прежнее значение родства теперь стало терять свою силу. Разъединенные значительными расстояниями друг от друга, эти семьи были предоставлены самим себе и сами должны были заботиться о своем пропитании и защите. Такой одинокой семье, в особенности малочисленной, жилось нелегко: много труда ложилось на каждого члена ее в борьбе с природою за пищу и жизнь. Лучше было, когда число членов семьи увеличивалось, и родственники до второго и третьего колена не покидали семьи, а продолжали жить вместе в одном дворе, или когда в составе старой семьи появлялась новая вследствие брака⁴, или когда прибавлялись со стороны новые члены – «чужаки», «приселенцы»: их охотно принимали, если они могли быть полезны в труде. Так создавалась своеобразная семья человек в 15–25 из родных и чужих. Эта семья строилась не столько на кровном начале, сколько на взаимной выгоде и сотрудничестве. Сообразно с изменением основы и состава семьи изменяется и характер отношений совместно живущих в ней членов.

Прежде, когда жили родами, единство кровного происхождения определяло состав рода и семьи. Только родственники входили в тот и другой союз. Имущество каждой семьи принадлежало роду, и род поглощал семью. Старейший в роду, его глава, был владыкою, которому безусловно были подчинены все родичи, одинаково бесправные, так как всем распоряжался родоначальник. Новые условия переселенческой жизни привели к замене рода своеобразной семьей-задругой. (Эта смена характерно отразилась на замене почитания Рода почитанием домового. Когда славяне жили родами, обоготворенный предок Рода или Шур, то есть дед, считался покровителем рода. Когда же под влиянием новых условий на место рода стала задруга-семья, отдельный дом, то старый бог Род с рожаницами, то есть дед с бабушками, должен был уступить место дедушке домовому, покровителю отдельной семьи, дома.) В семье-задруге кровная связь и власть главы не играют прежней роли. Все лесные и полевые участки завоеваны трудом и усилиями всех членов семьи, и члены семьи сообща владеют всею собственностью, сами распоряжаются ею, и все равны в общем совете, думе, которой принадлежит решение семейных дел. Равноправие и солидарность господствуют в задруге, и если кому не по душе установившийся строй, тот может покинуть задругу, уйти из нее. Главарь задруги не имеет исключительной власти, ему принадлежит руководство, без него не решается ни одно дело, он разбирает домашние ссоры, заботится об интересах задруги, сносится с чужими. Он дает направление всему, что касается хозяйства, кроме женских работ, надзор за которыми принадлежит его жене, хозяйке. Когда главарю не под силу вести дело задруги или он чувствует приближение смерти, он передает свое полномочие другому по собственному выбору. Если же он умирает, не указав заместителя, старший в семье предлагает избрать нового главаря. Обычно бывает главарем старший, но может быть им молодой и сильный, получивший первенство или избраньем, или захватом.

⁴ Брак пережил в течение VII–IX веков ряд изменений в форме. Древнейшей формой брака было умыканье, похищение из чужого рода невесты. Это происходило во время празднеств, когда сходились между селами на игры девушки и мужчины различных родов. По уговору с девушкой во время игр мужчина уносил ее к себе в поселок, умыкал. Игра в горелки – остаток от той эпохи, когда главной формой брака было умыканье. При господствовавшем среди славян многоженстве роды неохотно отдавали своих девушек, и похищение их вызывало вражду между родами. Средством погасить эту вражду было принесение за похищенную невесту, в пользу рода выкупа – вена. Второй, позднее явившейся формой брака было хождение зятя по невесту. Вместо похищения жених приходил в род и покупал невесту, внося по соглашению с родственниками известную цену, определявшуюся головами рогатого скота. Третьей, позднейшей формой брака был привод невесты. Вечером невесту приводили в дом жениха, а наутро туда приносили приданое невесты. Отсюда название законной жены «водимою» и выражения «взять замуж», «выдать замуж».

Уединенно, замкнуто живет в лесной глуши задруга, редко видя у себя чужого человека. Но, когда появляется странник, ему рады, его встречают дружелюбно, окружают заботливостью и радушно его угощают.

Распределение и характер празднеств стояли в тесной связи с чередованием времен года, олицетворенном во взаимной борьбе светлых и темных сил природы. Зимой, в декабре, праздновали Коляду, рождение нового солнца; раннею весною торжествовали победу над зимою, смертью и хоронили или сжигали соломенную фигуру Морены; при первой весенней грозе чествовали бога Перуна, затем ходили с маем, елкой – символом весны, и заканчивали весенние празднества праздником роз, розалиями, в переделке превратившимися в русалии, посвященные русалкам-утопленницам, и чествованием деревьев, трав и цветов. В разгар лета, когда солнце шло на убыль, топили соломенное чучело Купалы или Ярилы, сопровождая это хоровами, пением и прыганием через костры. В христианскую эпоху эти празднества не исчезли, а, видоизменившись несколько, соединились с христианскими праздниками и иногда переместились. Коляда совпала со Святками, и ряженые, гаданье и святочные песни ведут начало от языческой старины. Сжигание Морены соединилось с Масленицей. Весенний праздник в честь бога Грома переместился на время июльских гроз на Ильин день (20 июля). Русалии были придвинуты к Троице, и как переживание от русалий осталось украшение жилищ деревьями и цветами. Праздник Купалы приурочен к 24 июня, дню рождения Иоанна Крестителя, и соединение языческого и христианского праздника выразилось в названии Иван Купала.

Эти посещения и празднества с игрищами и пирами дают приятный перерыв однообразной трудовой жизни задруги. Такая задруга-семья в обыденном течении жизни и представлена на нашей картине.

С раннего утра, когда Дажьбог первыми лучами солнца прогонит мрак ночи, и разбежится темная сила, царящая ночью, начинается ее трудовой день. Рано встав и поев, семья принимается за работы. Их распределяет старик-главарь сообразно силе, уменью и способностям каждого. Одни спускаются к речке, чтобы половить рыбы; другие уходят к стаду, на бортовые ужоаи и в лес; третьи – на пашню; четвертые отправляются на охоту. Захватив стрелы и лук, рогатину и копье, нож и топор, а также собаку, в челноке охотники направляются по речке, следя среди зарослей, не попадется ли дичь или бобр. Пристав к берегу, став у камня лицом к востоку, поклонившись на четыре стороны, они взывают к лесным силам: «Пособите, помогите за охотою ходити, белых и серых зайцев ловити, лисиц и куниц и серых волков загоняти и залучати, чтобы бегали по своей тропе безопасно, на сторону не отшатывались, взад не воровались!» Совершив заклинание, по проложенной тропе они входят в лес, где у них в разных местах расставлены западни, выкопаны ямы для зверей, растянуты сети для птиц. Но птицы и зверя в этих местах, где они охотятся часто, стало мало, нужно проникнуть в глубь леса, куда не ступала еще нога человека. Расчищая путь топором и ножом, охотники продираются в самую чащу, внимательно прислушиваясь к лаю собаки, присматриваясь к звериным следам.

Славянский поселок X—XII в. Реконструкция

Оставшиеся в усадьбе несколько мужчин и женщин с главарем тоже не остаются без труда. Заботливо за всем следит главарь, каждому дает указания. Жена-хозяйка помогает ему. Нужно подумать о пропитании семьи на текущий день, нужно изготовить кушанье, сварить или испечь, если есть, мясо или рыбу, достать из ямы зерно, смолоть его на ручной мельнице, замесить и испечь хлеб или лепешки, надоить молока. Нужно найти время или самой хозяйке, или тем женщинам, которым она поручит, заняться пряденьем, тканьем из шерсти и льна и изготовлением одежд для всех. На женщинах же лежит обязанность выходить, выкормить и воспитать малых детей.

В разнообразном труде проходит день, и, когда время клонится к вечеру, с разных сторон возвращаются в поселок задружники. Этот момент дня и изображен на картине.

Кончены работы на пашне, нарублено в лесу все, что нужно для домашних поделок, наловлена рыба, и сушатся сети, окончена, и довольно удачно, охота. На однодревке пристают к берегу наши охотники, с радостью бежит, таща за собою зверя, подросток, с гордостью показывает крупную птицу взрослый. Старик-главарь внимательно всматривается, что сегодня дала охота. Почти все собрались. В избе уже пылает на очаге огонь, дым поднимается вверх, стелется по крыше и выходит в прорубленные отверстия вон. На очаге котелок с варевом. Вокруг этого котелка соберется вся семья и, делясь впечатлениями дня, подкрепится пищей и затем уляжется спать, чтобы крепким сном набрать сил для нового дня.

Солнце садится. Над речкой ложатся туманы. Еще немного, и надвинувшаяся ночь охватит мрачные глубины леса, и ими снова овладеет темная сила. Безмолвная тишь спускается над заснувшим поселком. Только по временам ее нарушает бодрствующее население леса. То пискнет, точно ребенок, сыч, то тоскливо прокричит филин, то раздастся хлопанье крыльев и жалобный крик птицы, попавшей в когти ночного хищника, то вдруг прорежет ночную тишь яростный лай собаки, которая своим чутким ухом различила осторожную поступь подходящего к стаду крупного зверя.

Комментарий

Признаться, банальное на первый взгляд выражение о том, что происхождение и ранняя история славян кроются в тумане веков, как раз вовсе и не банально. Таков удел многих народов, но вполне понятно наше внимание именно к славянам как непосредственным предкам русских.

Дописьменная история создает обширное пространство для невероятных домыслов и фантазий, чем беззастенчиво пользуется неисчислимое множество спекулянтов, сочиняющих псевдонаучную чушь, столь же далекую от реальности, как две галактики друг от друга. Но мы же не об альтернативных воззрениях собираемся говорить, не так ли?

В исторической науке касательно происхождения и ранней жизни славян тоже выдвигалось немало версий, но со временем большую часть их отодвигали в сторону – навсегда или на время, уточняли, дополняли, переосмысливали... Устоялось понимание, что славяне, особенно ранние славяне, есть понятие условное, что языковая общность и происхождение не обязательно подразумевают одно и то же. Черты славянской архаики прослежены у носителей разных археологических культур в разных регионах Европы. Скорее всего, наиболее вероятные предки славян связаны с зарубинецкой культурой раннего железного века, которая была распространена с конца III в. до н. э. по середину I в. н. э. в лесном и лесостепном Поднепровье и Полесье.

Кандидат исторических наук Г.Л. Земцов из Липецка в интервью ИА «Красная Весна» в январе 2024 г. говорит: «...В зарубинецкой культуре фиксируются зачатки традиционных элементов славянской материальной культуры: грубая лепная посуда, жилище с центральным столбом, обряд трупосожжения. И главное – эта культура станет основой последующих, связанных с этногенезом славян. С этого момента можно условно говорить о начале формирования нашей, славянской народности. Эта группа населения занимала относительно небольшие земли на территории Среднего и Верхнего Поднепровья и реки Припять (Украина и Белоруссия). Жителей здесь было немного, но именно они и станут основой крупнейшей в современной Европе этноязыковой общности – славян.

В I веке н. э. зарубинецкая культура попадает в кризис – население буквально разошлось в разные стороны: в бассейн Днестра на западе и реки Хопёр на востоке. Здесь оно частично исчезает либо растворяется в других народах, распространяя славянские черты материальной культуры, создает полиэтничные симбиозы. На территории Белорусского Полесья, северной части Украины, современных западных Белгородской и Курской областей России на основе зарубинецких групп населения складывается новая общность. Она получила условное название „киевская археологическая культура“. Эта группа существовала с III по V вв. н. э. Она постепенно расширяла свои границы и стала основой для дальнейшего развития нашей народности. В V в. отсюда началось расселение славян, которые очень быстро освоили громадные территории.

Лепная керамика зарубинецкой культуры (по А.М. Обломскому)

Затем появляется культура полей погребальных урн, на основе которой складывается уже собственно культура Прага – Корчак, которую археология считает первой в полном смысле славянской».

Такова в общих чертах точка зрения современной науки на возникновение славян. Впрочем, параллельно с ней иногда продолжают предполагать, что предки славян первоначально обитали в Висло-Одерском междуречье. А вот версия Повести временных лет, в которой со ссылкой на некие предания говорится, будто предки славян жили на Дунае, ныне признается наименее убедительной.

Разделение славян на южных, восточных и западных происходит, как полагают, под влиянием гуннского нашествия примерно в IV веке нашей эры, когда славяне заняли территории, прежде населенные германскими племенами, сместившимися на запад Европы. Примерно спустя два столетия о славянах пишет свое знаменитое известие Прокопий Кесарийский. На его свидетельство, а также на краткие сообщения других византийских источников и опираются в основном авторы очерка. Однако этого явно недостаточно, и сейчас благодаря археологии и другим наукам картина предстает куда более развернуто.

Мы, как бы ни хотелось сказать обратное, очень мало знаем о картине мира славян: дописьменная культура оставляет чрезвычайно мало достоверной информации, а своего Снорри Стурлусона или ирландского монаха, записавшего предания о похищении быка из Куальнге, увы, не сыскалось. Или такие записи (едва ли существовавшие) погибли в бесконечных войнах и пожарах. Поэтому как-то комментировать небольшой рассказ авторов о славян-

ской религии едва ли есть необходимость, лучше отослать читателя к современным научным трудам на эту тему. На наш взгляд, хоть сколько-то достоверные реконструкции языческих верований восточных славян возможны только на основе комплексных компаративистских подходов и тщательного критического анализа. Чуть больше мы знаем о дохристианских традициях южных и западных славян, но переносить их непосредственно на земли Восточной Европы нельзя, потому что единой религии славян в действительности не существовало, и пытаться создать «единый славянский пантеон» бессмысленно. Поэтому даже странно сегодня читать в очерке, например, про отмечание славянами римского праздника «розалии», откуда якобы происходят наши русалии, сохранившиеся вплоть до этнографической фиксации (это мнение было впервые высказано, в частности, Ф. Миклошичем и А.Н. Веселовским и пользовалось популярностью во время написания авторами своих очерков). Сегодня понятно, что это совсем не так. Розалии – праздник поминовения умерших, а восточнославянские и болгарские русалии – праздник, имеющий совершенно иное содержание.

Здесь же – в контексте изображенного на картине – стоит добавить, что святилище, которое, как можно видеть, художник представил как несколько каменных валунов под деревом (дубом?), между которыми на шестах установлены черепа животных, едва ли похоже на те, какие существовали у славян. Это довольно точное изображение святилища одного из финно-угорских народов. Этнографические фото подобных святилищ делали еще в 1960-е гг. в глухих местах России. Но, хотя славяне также почитали камни, источники, деревья и иные природные объекты, их культовые места, скорее всего, несколько отличались, свидетельством чему археологические раскопки.

Погребальные сопки культуры длинных курганов

Что касается образа жизни первых славянских племен, то, действительно, жизнь в условиях леса и лесостепи означала большую роль охоты и рыболовства (вспоминается, как автору

комментария довелось участвовать в разведке древнерусского городища X–XII вв. и сколько костей там попало нам около очага). Земледелие с учетом непростых климатических условий было сложным занятием. Прибавьте к этому скудость природных ресурсов, в первую очередь отсутствие нормальной железной руды... Неудивительно, что и прочие ремесла долгое время были не очень развиты. Археология свидетельствует о долгом преобладании лепной керамики, скудости инвентаря и т. д. Потребовалось, чтобы произошло Великое переселение народов, начало возникать государство, а также сложились новые торговые пути – так называемые Путь из варяг в греки и Волго-Балтийский торговый путь, а также сухопутный путь из Центральной Европы в Киев, чтобы древнерусские мастера познакомились с новыми технологиями, освоили их и в результате приобрели авторитет в Европе и других регионах.

В качестве типичных ранних славянских жилищ, действительно, были распространены полуземлянки, то есть достаточно примитивные жилища, пол которых был заглублен относительно уровня поверхности земли, но, возможно, это было при тогдашних технологиях строительства по-своему с учетом климатических условий. Особого комфорта в них не было, размерами они тоже не отличались.

Основа дома – квадратная клеть, то есть четырехугольный сруб из бревен, обычно со стороны длиной около четырех метров. В более позднее время известны отапливаемые зимние и неотапливаемые летние клетки. Есть предположение, что известное всем слово «изба» происходит не от германского *stuba* (теплое помещение, баня), которое, в свою очередь, восходит к греческому слову *tuphos* (дым, чад) или латинскому *extupare* (отапливать), а восходит все же к русскому «топить». В древнерусских памятниках писали не «изба», а «истьба, истобка, истопка». Сейчас подобный взгляд, как правило, считают народной этимологией, но так ли обоснованно?..

Впрочем, надо оговориться, что в более северных регионах строили не полуземлянки, а наземные срубные жилища – так, по крайней мере, явствует из раскопок памятников культуры псковских длинных курганов конца V – начала XI в.

Пол был чаще всего земляной или обмазанный глиной, а окна, по крайней мере, у небогатых людей, представляли собой прорези, точнее, прорубы в бревнах, в холодную погоду их закрывали специальными заслонками, «заволакивали», отчего такие окна до сих пор именуют волоковыми. Более зажиточные закрывали окна слюдой, оконное стекло появляется на Руси только в XIV столетии. Имелись в таких домах и дощатые полы. Нередко к основному жилому помещению пристраивали и хозяйственные помещения, так что получался своеобразный комплекс.

Культовый камень «Дед», ныне находится в Саду камней в Минске (фото С. Павлова)

Знаменитых русских печей еще тоже довольно долго не существовало, дома топили по-черному, очаги из камней, обмазанных глиной, приходилось встречать и в слоях XIV–XV вв. Но, впрочем, к моменту монгольского нашествия в крупных городах уже начинают появляться дома в несколько этажей, то есть уровень жизни в них был значительно выше. Это следует иметь в виду, когда вы читаете популярные тексты, авторы которых склонны к масштабным обобщениям. Очень важно понимать общий контекст: о каком историческом периоде, о каком месте и времени идет речь. Без контекста и опоры на научные источники очень легко нагоро-

дить невесть что, только отношения к действительному прошлому такие фантазии иметь будут мало.

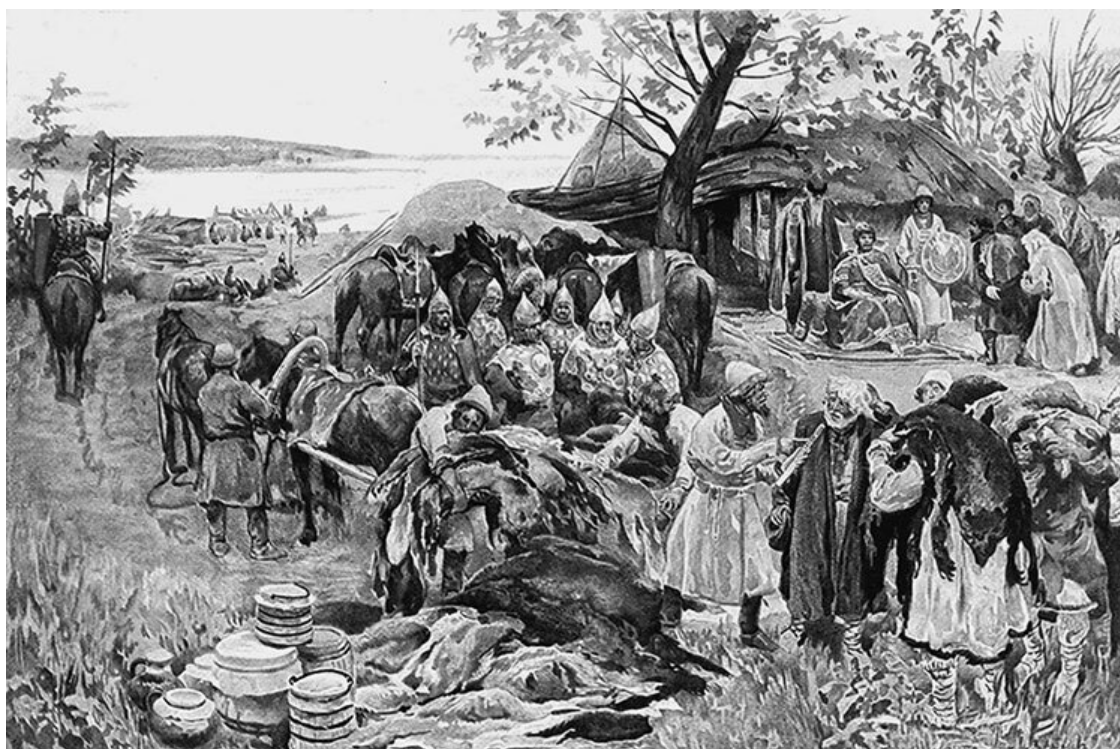
Погребальные обряды были разными, и расхожее представление о том, что славяне непременно использовали обряд кремации, или трупосожжения, не вполне справедливо. Более того, даже трупосожжение в разные периоды и в различных регионах проходило по-разному, а есть сообщения о различных погребальных обрядах на территории одного комплекса. В ряде случаев восстановить идею и смысл удастся, как кажется, достаточно убедительно, иногда они остаются загадкой и дают простор для множества допущений. Следует ли искать причину в том, что славяне, будучи представителями одной языковой семьи, принадлежали при этом к разным племенам? Вопрос сложный, и ответа на него пока нет.

Рассказывая о древнерусских землях «предлетописного» периода, очень любят обычно вспоминать, что скандинавы назывались их Гардарики. Это слово обычно переводят как «Страна городов», но правильнее было бы говорить «Страна оград». Вообще имеется в виду множество небольших укрепленных поселений вдоль пути из варяг в греки, вот только территория, по которой проходил этот знаменитый торговый путь, составляет малую долю собственно заселенных и освоенных на тот момент славянами территорий.

Часть найденных и исследованных городищ действительно представляют собой остатки поселений разной площади, которые были окружены преимущественно деревянными укреплениями. Некоторые из них выросли в большие города, существующие и известные до сих пор. Часть была оставлена или даже уничтожена, например, мелиорацией или иным путем. Культурный слой больших и долго существовавших поселений может достигать десятков метров (как например, в Новгороде Великом, Москве, Владимире). Однако встречаются и такие, где этого слоя почти не существует или толщина его минимальна. Как правило, такие памятники считают городищами-убежищами, то есть укреплениями, в которых люди почти не жили, но вокруг которых имелся куст деревень, а сама крепость использовалась в качестве места, куда люди уходили при опасности. Впрочем, есть и другое, весьма любопытное мнение. К.и.н. М.Г. Гусаков в ряде своих статей предложил считать некоторые из них не городищами-убежищами, а городищами-святилищами. В качестве основания для этой гипотезы он привел ряд доводов, некоторые из них кажутся убедительными, а некоторые нуждаются в проверке. Так, он обращает внимание на то, что в ряде случаев валы и рвы вокруг городищ очень маленькие, то есть никак не могут служить преградой для нападающих. Однако если считать, что они играли роль ограды, отделявшей священное пространство от обыденного человеческого, то все легко объяснимо. Подобная граница, наполненная глубоким символическим смыслом, известна практически повсеместно. Кроме того, он провел археоастрономическую привязку и ориентирование мест обнаружения стоявших здесь некогда деревянных построек. Вернее, того, что принято считать следами построек, будь то длинные дома или иные сооружения. Но следами построек остатки деревянных столбов, вкопанных некогда в грунт, считают, скорее, в силу сложившейся традиции, не более. У М.Г. Гусакова же на основе археологических данных получилось смоделировать святилище, в котором стояли своего рода маркёры, благодаря которым служители могли наблюдать за движением Луны, восходом Солнца и т. д. Он принял во внимание и довольно много факторов, так что гипотеза кажется довольно убедительной.

Находятся те и другие городища обычно на возвышенном месте, часто – на холмах, даже на болотных островках, или на мысах, там, где река меняет направление течения. Это не только защищает крепость с двух сторон (а с напольной можно выкопать ров, тем самым затруднив доступ с материка), но и обеспечивает лучший обзор. Мысовые городища становятся основными примерно с VIII в.

Полюдье (XII–XIII века)

Полюдье. С картины К.В. Лебедева

Знакомясь с жизнью Приднепровской Руси IX–XIII веков, нужно прежде всего отрешиться от мысли о современном государстве с его сложными задачами, направленными к осуществлению не только внешней безопасности, но и внутреннего благосостояния населения, возможного при строгом охранении правопорядка; нужно затем отбросить представление о сложном государственном механизме со множеством законодательных, административных, судебных и финансовых органов, деятельность которых охватывает почти все стороны жизни и стройное действие которых направляется центральной властью к означенной цели; нужно, наконец, забыть о цельном едином Русском государстве и громадной его территории.

Деятельность первых русских князей, постоянно передвигавшихся со стола на стол, часто сплачивавших племена и города для общих торговых и военных предприятий, создала почву для мысли, что Русская земля едина, так как имеет общие интересы и находится под властью единого княжеского рода, владеющего ею сообща. Но эта мысль, подготавливая национальное самосознание и почву для объединения, не создала еще такого объединения как реального факта. В IX–XIII веках единого Русского государства не было, был ряд одновременно существовавших небольших княжеств под верховным водительством Киевского княжества. В таком государстве, образовавшемся под влиянием потребности во внешней и внутренней безопасности, было слабо сознание общего блага. Власть в нем была проникнута более интересом извлечения доходов, чем интересом благоустройства и порядка, справедливости и правосудия. Оно не имело необходимого количества органов, всюду чувствовалось смешение функций и интересов частного и государственного характера. Государство только что зарождалось, в нем было много неорганизованного и неоформленного, как не организована и не оформлена была и вся жизнь.

В каждом княжении Приднепровья идет своя, обособленная от других, жизнь. Центром княжения и жизни является стольный город, который обыкновенно дает название княжению и области. Он наиболее укреплен и во время военной опасности дает у себя защиту жителям области. В нем сосредоточивается торговая жизнь области. Он является сосредоточием и политической жизни. Население его – старейшее, его вече – наиболее влиятельное, в нем имеет свое пребывание князь.

Удельная Русь в первой трети XIII в.

Призванный или признанный вече князь во внутреннем управлении не знает никакого вмешательства извне. Он является очень самостоятельным в своей области, если сумеет поставить себя независимо по отношению к «земле» и ее органу – вече. Вече не имеет стремления ограничить власть князя, а поднимает свой голос только в тех случаях, когда обнаруживаются неприятные личные черты князя или начинают давать себя сильно чувствовать неудобства дружинно-княжеского управления. Тогда оно высказывает властно свои пожелания, ставит князю свои требования. При обычном же течении дел в руках князя и его дружины находится значительная власть. Эта власть необходима для охраны торговых караванов от кочевников, под-

жидающих в степи. Еще больше необходима она для ограждения жизни, имущества и прав жителей области, особенно смердов. Разбросанные на большом пространстве редкими поселками, они совершенно не могут сами, своими силами, противостоять набегам степных соседей и насилию. Князь и должен дать защиту извне и мир внутри, он нужен для устранения раздоров и несогласий отдельных волостей, для установления внутреннего наряда страны. Поэтому, когда князя нет, некому распорядиться, население чувствует себя беспомощным, особенно в трудные моменты жизни области.

Князь приходит в область на время, он не сливается с населением, не пускает глубоких корней. Он является для порядка и защиты страны и за это он получает с населения области содержание – корм. Он не прочь уйти в другое княжение, где окажутся условия деятельности и корм лучше.

Не сливаясь с населением княжества и различая интересы свои от интересов населения области, князь более близок к дружине, тесно связанной с ним. Вместе с дружиною князь ходит в поход, думает думу, правит, судит и собирает доходы. В каждом прибытке князь дает долю дружине. Во время войны захваченная добыча делится между князем и дружинниками, с ними делит доходы князь в мирное время в своей области. В стольном городе на княжьем дворе князь правит и «оправливает людей», и за то берет себе кормы и пошлыны. Другие города княжения он раздает «княжьим мужам», посадникам, для управления, суда и кормления. Садясь по пригородам с тиунами и отроками, посадник правит довольно самостоятельно и мало подчинен князю. Заменяя последнего, посадник в пригороде, как и князь, заботится о защите своей волости, об укреплении пригорода, он так же, как князь, судит и правит на своем дворе и, как князь, зорко смотрит «своего прибытка», чтобы население давало ему кормы, и каждое действие его или его помощников оплачивали бы пошлынами те лица, которые ведут судебные и торговые дела, и притом посадник и тиуны его не прочь и от «многого имания».

В стольном городе, где действует князь, в пригородах, где наместничает посадник, еще видно до известной степени действие несложного государственного механизма, еще чувствуется нарождающаяся государственная власть, но и здесь органы государственной власти при своей малочисленности и слабости не в силах удовлетворить целому ряду потребностей населения. Правительственная власть, защищая область извне и давая общий наряд внутри, почти совершенно отказывается от целого ряда государственных задач. Так судья, будь он наместник или сам князь, выступает только тогда, когда преступник найден, свидетели собраны, улики налицо. Все это обязан сделать частный человек-обвинитель. Сама власть не начинает дела. В иных случаях государство уступает даже такой суд частным лицам, церкви и общинам. Над рабом властвует и производит суд господин. По делам, соприкасающимся с верою, и над церковными людьми действует суд церковный. Община, внеся князю в качестве выкупа известную сумму за судебные пошлыны своей области, совершенно освобождается от княжеского суда и управления. Во многих случаях охрана порядка, сбор налогов отходит в руки общины. Не получая удовлетворения своих многих насущных потребностей от государства, население стремится организовать удовлетворение этих нужд самостоятельно. Городские и сельские общины управляют сами. В пригороде на вече решаются местные вопросы, делаются постановления, обязательные для всей волости пригорода, выбираются старосты, сотские, десятские и добрые люди. Взаимные отношения лиц, входящих в состав таких более мелких делений волости, как вервь, находятся в ведении мира, мирской сходки, на которую собираются местные сельчане.

При таком строе, при существовании учреждений без ясно очерченного круга деятельности, и должностей без строго определенных прав и обязанностей, личность носителей государственной власти, личность князя и его сотрудников играла важную роль, оказывала сильное влияние на жизнь или всего княжества, или какого-либо его уголка. Поэтому население искало князя «доброго», поэтому князь выбирал из своих дружинников и дворовых холопов надежных людей, мужей «добрых». Особенно важен был «добрый» князь. Если князем будет

человек, который смотрит на свое положение исключительно как на источник своей личной выгоды, который будет стараться извлечь из всего как можно больше выгод для себя, «только бы кун добывать», и забудет совсем общественный интерес, будет ли это князь-скопидом, ловкий в мирном изыскании для себя новых доходов, или будет это князь-удалец, готовый добыть для себя все силой, – такой князь не даст блага земле. Население желает князя, который, сознавая свои обязанности перед землею, старался бы сочетать практически свои личные выгоды с интересами населения, умел бы и себя не забыть, и подумать о земле, оборонить ее от врага, держать в ней наряд и «в правду суд судить», «ходя по старине», твердо держась установленного обычая. Население желает князя, который, не грабя сам себе на обогащение, не позволял бы своим тиунам и дружине грабить и «делать пакости» людям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.